

Пятый день войны

*Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли;
и ныне проклят ты от земли, которая отверзла
уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей;
ты будешь изгнанником и скитальцем на земле.
Быт 4:10—12*

Мой отец, Александр Фихман (1930—1991), родился в городе Проскуров (с 1954 года — Хмельницкий) на западе Украины. В июне 1941 года, в первые дни войны, он вместе со своими родителями и старшими сестрами уехал из родного города и больше никогда туда не возвращался. Родственники, не успевшие бежать, погибли в Бабьем Яре под Киевом вместе со ста пятьюдесятью тысячами других евреев. До Киева ехали по железной дороге, долго — одиннадцать дней: поезда подвергались обстрелу с воздуха, чинили разбомбленные железнодорожные пути. Из Киева семью отправили вглубь страны, далеко на восток. Отец не раз мне рассказывал о том путешествии и однажды упомянул трогательную деталь: среди вещей находился томик Лессинга, немецкого писателя-романтика XVIII века. Многие из рассказанного отцом забылось, но вот этот томик Лессинга — автора, сочинявшего на языке врага, мне запомнился.

В нынешние дни о войне пишут многие, а думают и говорят все. Преобладающие чувства — ненависть к тем (а точнее — к тому), кто эту войну развязал, понятный страх перед будущим, и еще, конечно, стыд, от которого не помогает избавиться формула «Not in my name». В последние дни к ним добавилось любование стойкостью украинского народа, его президента и армии. Той армии, которую официально в России принято называть «шайкой наркоманов и неонацистов» или «украинскими формированиями». Надо сказать, что язык, которым пользуется российская власть, выдает и глубокую ее лживость, и человеконенавистническую сущность. Стали даже говорить о «решении украинского вопроса». Войну называют не войной, а специальной операцией. «Уничтожено двести неонацистов» — вместо «убито двести солдат и офицеров». Зачем унижать противника, да еще и живущего, как принято официально объявлять, в братской стране?

О братстве: на крошечную по количеству участников антивоенную демонстрацию в нашей маленькой Тарусе я вышел с плакатом: «Каин, где брат твой Авель?» — иначе как братоубийственной эту войну не назовешь и ответа на поставленный вопрос в духе героя культового фильма «Брат» не дашь. «Не брат ты мне, гнида черножопая», говорит этот самый герой — ответ, сформировавший отношение целых поколений русских к людям с иной, чем у них, «неславянской», внешностью.

Все-таки главное настроение этих дней у меня и у моих друзей — до какого бесчестья мы дожили! Не впервые в нашей истории, впрочем. «О ненависти к русским никто не говорил... Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения». Это цитата из толстовского «Хаджи-Мурата» относится к совсем иной эпохе, но время от времени, увы, опять приобретает актуальность.

Я часто играю в шахматы в Интернете — у меня это занятие вошло в такую же привычку, как у некоторых — раскладывание пасьянсов или решение кроссвордов.

Мне нередко попадаются украинские партнеры, но в последние дни они, увидев российский флажок, пишут: «С оккупантами не играю» или просто выходят из игры. Это естественная реакция, заставляющая, однако, задуматься о том, в какой мере мы — те, для кого русский язык является частью их личности, ответственны за происходящее. Замечательный поэт Алексей Цветков, наш современник, приводит такую сочиненную им притчу: «Вообразите себе, что вы идете мимо пруда, в котором тонет ребенок. Вы не умеете плавать, вы точно это знаете, поэтому стоите на берегу, заламывая руки, пока ребенок у вас на глазах идет ко дну. Вины на вас нет, но если вы потом до конца жизни не чувствуете угрызений, из вас вынута какая-то важная моральная шестеренка». Очень точные слова.

Безусловно правы и те, кто считает войну с Украиной началом распада России. Маленькой победоносной войны, блицкрига, не получилось. Проигранных войн авторитарным правителям не прощают, но сменой правителя дело вряд ли ограничится (см. эпиграф). История нашей страны заканчивается, однако русский язык, я верю, выживет, хотя пространство его неминуемо будет сужаться. И — возвращаясь к томику Лессинга, с которого я начал, — захватит ли мальчик, уезжающий сейчас из Киева — не на восток, а в противоположную сторону, — книгу, написанную на языке врага, например «Капитанскую дочку» Пушкина или того же «Хаджи-Мурата»? Вопрос, ответа на который у меня нет.

28 февраля 2022 г.